

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

<Рец. на кн.:> **Андрей Белый. Кубок метелей. Четвертая симфония**

К-во Скорпион. Цена 1 р. 50 к.

Одной из задач декадентства было проведение в область поэзии приемов, обыкновенно употребляемых в музыке. Верлэновский завет — «больше всего музыки»¹ — стал одной из главных заповедей декадентского катехизиса. Это явление не случайное, а зависящее от того, что декадентство свой взгляд на музыку взяло у Шопенгауэра, по которому музыка дает непосредственное ощущение потустороннего мира (к чему и стремилось в своей глубине декадентство).

Все ухищрения декадентов в области формы, все эти попытки «словесной инструментовки», направленные к тому, чтоб производить на слушателя непосредственное впечатление самой формой, а не только содержанием, стоят в несомненной связи с указанной задачей.

Одним из ярких выразителей этих стремлений является Андрей Белый со своими «Симфониями». Настолько ярким, что последняя его книга «Кубок метелей» не что иное, как *deductio ad absurdum**: как только стремления провести музыкальные приемы в поэзию выразились с достаточной полнотой, сейчас же обнаружилась вся их нелепость. На счастье читателя к книге приложено предисловие, после которого он уже может со спокойной совестью закрыть книгу, если его не интересуют специальные изыскания в дебрях этой отреченной литературы. Вот что говорится в этом предисловии: «В предлагаемой “Симфонии” я более всего старался быть точным в экспозиции тем, в их контрапункте, соединении и т. д.»... «Я старался выводить конструкцию фраз и образов так, чтобы форма и образ были предопределены тематическим развитием и, поскольку это возможно, подчинять образ

* сведение к абсурду (*лат.*).

механическому развитию тем. Я сознавал, что точность структуры, во-первых, *подчиняет фабулу технике (часто приходилось удлинять "Симфонию" исключительно ради структурного интереса)*, и что красота образа не всегда совпадает с закономерностью его структурной формы» (курсив наш).

Просто не находишь достаточно резких слов, чтобы заклеить эти дикие упражнения. Ведь, в самом деле, что это значит, что «точность структуры подчиняет фабулу технике»? Это значит, что события чередуются без всякого толку. Когда лирический поэт чередует события без *видимого* толку, это допустимо, потому что им руководит *его настроение, его психика*. Но Андреем Белым руководит *«точность структуры»*, т. е. *машина*, в результате чего получается *бесмысленная, неоправданная путаница*.

И если рискнуть читать книгу, если взять на себя подвиг прочитать ее («прочесть еще и еще», как рекомендует автор, можно, пожалуй, только в одиночном заключении), то со всей очевидностью предстанет вся нелепость этой странной работы.

Мы не знаем, заставляет ли Андрея Белого «точность структуры» терзать наш слух такими слововредительствами, как «полулылина», «пирносладкой», «безысканное», «ветропляс», «сладкорубинная» и тому подобное «андрейбелое»; но знаем, что именно она сушит нас тоской, предлагая одну и ту же фразу по десять раз на странице, один и тот же отрывок по сто раз в книге. Если с точки зрения автора это только «удлинение симфоний», то с точки зрения читателя это настоящая пытка: одна и та же капля воды долбит мозг не переставая. Говорить об эстетическом впечатлении после таких нарушений основных законов эстетики, уж конечно, не приходится. Но во внимание к труду и времени автора, так самоотверженно затраченных на этот эксперимент, можно ответить на его вопрос: «Я до сих пор не знаю, имеет ли она (т. е. книга Белого) право на существование?» — И вот что ответить: «Она имела полное право не существовать».

